

ГЕНРИ ДЖЕЙМС

Иван Тургенев

Мы знаем замечательных критиков, которые на вопрос, кто лучший романист нашего времени, не колеблясь, ответят — Иван Тургенев. Проводить параллели — занятие неблагодарное, и мы не станем вдаваться в сравнения, которые могут показаться попросту несправедливыми. Приведенное выше мнение наших друзей служит лишь предлогом, чтобы вкратце изложить собственные впечатления, также в высшей степени положительные. Однако цель наша не в том, чтобы навязать благосклонному читателю свою точку зрения, а в том, чтобы помочь ему еще больше насладиться книгами этого автора. Многие уже слышаны о Тургеневе как об известном русском романисте. Всего несколько лет назад даже во Франции, где теперь у него больше всего почитателей, его знали только по имени. Но сейчас все его повести и рассказы — насколько могу судить, без исключения — переведены на французский язык, некоторые им самим; превосходный немецкий перевод лучших его произведений, делавшийся под непосредственным наблюдением автора, публикуется сейчас в Германии, и несколько весьма сносных переводов на английский язык появились в Англии и в Америке¹. Иван Тургенев пользуется так называемой всеевропейской известностью, которая из года в год растет. Русские, чья литература переживает сейчас период бурного расцвета, считают его крупнейшим своим художником. Повести и рассказы Тургенева немногочисленны, и многие из них очень коротки. Он производит впечатление писателя, пишущего скорее по влечению сердца, чем ради денег. Его особенно любят читатели, обладающие развитым вкусом, а ничто, по нашему мнению, так не развивает вкус, как чтение Тургенева.

I

Тургенев — один из немногих чрезвычайно взыскательных к себе художников. Оговоримся сразу: он велик не обилием написанного, а мастерством. Его стихия — пристальное наблюдение. Он не способен к живой, искрометной, смелой выдумке, свойственной Вальтеру Скотту, Диккенсу и Жорж Санд. Такая выдумка придает повествователю тьму очарования — на наш взгляд, в целом величайшего. Тургенев ею не владеет; его очарование в другом. Короче, он — писатель, берущий свои впечатления на карандаш. Это вошло у него в привычку, стало, пожалуй, второй натурой. Его рассказы — собрание мелких фактов, жизненных происшествий, людских свойств, списанных, как говорится, *sur le vif**. <...> У Тургенева страсть к точности, к четкому изображению, к предельно ясным примерам. Иногда начинает даже казаться, что он любит частности, как библиофил любит даже те книги, которые никогда не читает. Тургенев пишет своих персонажей, как художник пишет портрет: в них всегда есть что-то особенное, своеобразное, чего нет ни в ком другом и что освобождает их от гладкой всеобщности. <...>

Если по манере он — реалист-исследователь, то по натуре — серьезный и внимательный наблюдатель, и в силу этого своего качества охватывает великий спектакль человеческой жизни шире, беспристрастнее, яснее и разумнее, чем любой другой известный нам писатель. И в этом он всегда остается верен присущей ему точности метода. <...>: Все слои общества, все типы характера, все степени богатства и нищеты, все виды нравов прошли через его руки; его воображение собирает дань как в городе, так и в деревне, с богатых и бедных, мудрых и дураков, *dilettanti*** и крестьян, с трагического и комического, с возможного и невероятного. Он видит все наши страсти и сочувственно вникает в удивительную сложность нашего внутреннего мира. В «Муму» он рассказывает о глухонемом дворнике — крепостном крестьянине — и комнатной собачонке, а в «Странной истории» описывает случай потрясающего религиозного фанатизма. Но при всей его любви менять угол зрения цель у него всегда одна — найти эпизод, персонаж, ситуацию нравственно значимые. В этом огромное достоинство его прозы, в этом же причина того, отчего его излишнее на первый взгляд внимание к частностям никогда не бывает неуместным. Он считает, что «сюжет» имеет первостепенное значение

* С натуры (*фр.*).

** Дилетант (*фр.*).

в искусстве: есть сюжеты легковесные и серьезные, и последние во сто крат лучше первых, превосходя их тем, что сообщают нам несравненно больше сведений о человеческой душе. В эту душу он всегда старается заглянуть как можно глубже, хотя нередко смотрит через затененное отверстие. <...>

II

Все свои темы Тургенев заимствует из русской жизни и, хотя действие его повестей иногда перенесено в другие страны, действующие лица в них всегда русские. Он рисует русский тип человеческой натуры, и только этот тип привлекает его, волнует, вдохновляет. Как у всех великих писателей, его произведения отдают родной почвой, и у того, кто прочел их, появляется странное ощущение, будто он давно уже знает Россию — то ли путешествовал там во сне, то ли обитал в какой-то другой жизни. Тургенев производит впечатление человека, который не в ладу с родной страной — так сказать, в поэтической ссоре с ней. Он привержен прошлому и никак не может понять, куда движется новое. Американскому читателю подобное душевное состояние особенно понятно; появившись в Америке романист большого масштаба, он, надо полагать, находился бы в какой-то степени в таком же умонастроении. Тургенев обладает даром глубоко чувствовать русский характер и хранит в памяти все былые русские типы: дореформенных, крепостных еще, крестьян, их до варварства невежественных самодуров-помещиков, забавное провинциальное общество с его местными чудаками и нелепыми обычаями. Русское общество, как и наше, только еще формируется, русский характер еще не обрел твердых очертаний, он непрестанно изменяется, и этот преображенный, осовремененного образца русский человек с его старыми предрассудками и новыми притязаниями не представляется отрадным явлением тому, кому дороги вековые, устоявшиеся образы. Замечательный сатирик, о чем у нас еще будет случай сказать, Тургенев особенно беспощаден к модным умствованиям, характерным для его соотечественников. Явная цель его романа «Отцы и дети» противопоставить этих сторонников нового старому; в большинстве его последних произведений, и прежде всего в романе «Дым», они воплощены в разнообразно гротескные фигуры.

Однако впервые Тургенев заставил говорить о себе как автор не сатирических, а подлинно поэтических портретов. Его «Записки охотника», опубликованные в 1852 году, явились, как утвержда-

ет один из двух переводчиков этого произведения на французский язык, не менее важным вкладом в дело освобождения крестьян в России, чем знаменитый роман Бичер-Стоу² в борьбу за отмену рабства в Америке. Это утверждение, возможно, несколько преувеличенное: рассказы Тургенева, составившие «Записки», кажутся нам не столько страстным *pièce de circonstance*^{*}, сколько беспристрастным произведением искусства. Но обстоятельства, несомненно, сыграли свою роль, и на русских читателей книга произвела огромное впечатление — впечатление, которое свидетельствует об их немалой культуре. Ибо можно с уверенностью сказать, что ни одно полемическое произведение не было написано в таких не свойственных этому жанру приглушенных, как выразились бы художники, тонах. Автор показывает нам столь мизерную долю бьющих в глаза ужасов, что нравственный смысл его «Записок» очевиден лишь проницательным читателям. Ни один эпизод не служит прямым обвинением «пресловутому установлению» — русскому крепостничеству, и приговор ему вытекает из всей совокупности свидетельств, из множества тончайших штрихов — из того щемящего чувства, которое охватывает вдумчивого читателя, когда он доходит до конца книги, и заставляет его задуматься. Трудно назвать другое литературное произведение, заключающее в себе лучший урок тем горячим головам, которые так любят заводить споры о «чистом искусстве». «Записки охотника» являют собой превосходный пример того, как нравственное содержание придает смысл форме, а форма подчеркивает нравственное содержание. Эта книга отличается всеми характерными достоинствами тургеневской манеры, включая несколько дилетантскую свободу в построении, настолько полюбившуюся многим читателям, что последние романы Тургенева даже показались им в известной мере, если так можно выразиться, скованными. Из всего им написанного «Записки», несомненно, самая привлекательная его вещь. <...>

Последовавший вскоре затем роман «Рудин» может, пожалуй, служить нагляднейшим свидетельством того предпочтения, которое Тургенев оказывает темам, опирающимся на изображение характера — даже, если требуется, непривлекательного характера. <...> Дмитрий Рудин, подобно многим другим тургеневским героям, оказывается несостоятельным в нравственном отношении — это одна из тех сложных на свою и чужую беду натур, которые доставляют друзьям так много радостей и так много огорчений, которые способны и вместе с тем неспособны на великие дела; натуры

* Произведение на злобу дня (фр.).

сильные в своих порывах, словах, ответных побуждениях, но слабые волей, поступками, способностью чувствовать и действовать по собственному почину. Подобный тип, всегда столь же интересный для людей с богатым воображением, сколь непереносимый для людей рациональных, хорошо известен нам по «Орасу» Жорж Санд, запечатлевшей его крупными, свободными мазками; тургеневский герой — тщательно выписанная миниатюра. Тому, кто не читал «Рудина», вряд ли откроется, какие тонкие штрихи способен наносить тургеневский карандаш. Но при всей психологической проницательности Тургенева, равно как и всей широте обобщения Жорж Санд, их живопись была бы невыразительна, а романы скучны, если бы и тот и другая беспрестанно не заботились о драматической стороне повествования. У Тургенева положительно все принимает драматическую форму; он, очевидно, вообще не способен представлять себе что-либо вне ее, постигать что-либо в виде голых идей. <...> Абстрактные возможности тотчас претворяются сознанием Тургенева в конкретные положения, где каждая деталь не менее искусно подобрана и определена к своему месту, чем в интерьерах Месонье 3. Вот отчего, читая Тургенева, мы всегда смотрим и слушаем, и порою нам даже кажется, что из-за отсутствия путеводной нити пояснений видим много больше, чем понимаем. <...>

III

О писателях, пользующихся нашим особым вниманием, всегда хочется узнать больше, чем удастся из их произведений, и многих американских читателей, надо полагать, одолевает дружеское любопытство относительно частной жизни и личности Тургенева. Увы, мы вынуждены сознаться, что наши сведения на этот счет крайне скудны. Из сочинений нашего автора мы заключаем, что его вполне можно назвать гражданином мира, что он жила в многих городах, был принят во многих кругах общества, и притом нам почему-то кажется, что он принадлежит к так называемым «аристократам духа». <...> Очарование тургеневской манеры во многом заключается именно в этом трудно постижимом сочетании аристократического духа и демократического ума. Его пытливому уму мы обязаны разнообразием и богатством показаний о человеческой природе, а его взыскательному духу — изяществом формы. <...>

Читая Тургенева, прежде всего выносишь впечатление, что окружающее представляется ему в безрадостном свете, что он смотрит на жизнь очень мрачно. <...>